

ЛИНА МАК

Случайные
СОСЕДИ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Лина Мак

Случайные соседи

«Автор»

2026

Мак Л.

Случайные соседи / Л. Мак — «Автор», 2026

— Дим, — начала она впервые обращаясь к нему так просто и ласково, но он перебил, поднимая руку и касаясь её щеки. Его пальцы были тёплыми, чуть шершавыми. Он провёл большим пальцем по её скуле. — Ты слишком хорошая для этого мира, — сказал он тихо. — Слишком светлая. А я... я весь в темноте. — Мне не страшно, — прошептала Вера. — Должно быть. Вера подалась вперёд — чуть-чуть, на миллиметр. Дмитрий замер. Потом наклонился, и их губы почти коснулись...***Они случайные соседи. Он затопил её квартиру, она согласилась принять компенсацию тем, что поживёт на его территории. Но в этой случайности что-то пошло не так!

© Мак Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лина Мак

Случайные соседи

Глава 1

Вера Соколова въехала в новую квартиру в пятницу вечером, когда за окнами уже сгустились осенние сумерки, а фонари в старом московском районе зажигались один за другим, превращая его в декорацию к фильму про другую жизнь.

Другая жизнь. Именно это ей и было нужно.

Она стояла посреди однокомнатной квартиры, окружённая коробками и сумками, и пыталась убедить себя, что всё правильно. Что бегство из прежней квартиры, прежнего города, где каждый угол напоминал об Антоне — это не слабость, а здравый смысл. Что начать заново в двадцать восемь — нормально. Что она справится.

Телефон завибрировал. Лена, её подруга и единственный человек, которому она рассказала всю правду про измену.

«Как новое гнездышко?»

Вера посмотрела на облезлые обои, старый паркет, потрескавшийся подоконник.

«Уютно. Если любишь винтаж и запах нафталина», — написала она.

«Главное — твоё. Без козлов в комплекте»

«Это плюс»

«Вино есть?»

«Две бутылки»

«Вот и отлично. Налей, включи сериал и забудь про весь мир. Ты молодец, что решилась»

Вера улыбнулась — слабо, но всё-таки. Лена умела подбирать слова. Она убрала телефон, открыла коробку с посудой, достала бокал. Вино действительно было — красное, полусладкое, которое она купила по дороге. Налила, отпила глоток. Кислое. Как и всё остальное в последние недели.

Антон. Пять лет отношений. Планы на свадьбу. Совместная ипотека, которую так и не оформили — и слава богу. А потом — сообщение от незнакомого номера с фотографией: Антон с девушкой, губы к губам, её рука на его груди, его — на её бедре.

«Твой парень хорош в постели. Спасибо, что поделилась».

Вера тогда думала, что это розыгрыш. Злая шутка. Но когда пришла домой раньше обычного и увидела чужую куртку в прихожей, чужие туфли у двери, услышала смех из спальни — поняла, что это реальность.

Она ушла тихо. Собрала вещи, пока Антон был на работе, сняла квартиру через интернет на окраине столицы, убежав с сырого Питера навсегда. Не выясняла отношения, не кричала, не требовала объяснений. Просто вычеркнула его из жизни и попыталась дышать дальше.

Получалось плохо.

Вера допила вино, поставила бокал на подоконник, посмотрела в окно. Двор старого дома, облезлые скамейки, детская площадка, фонарь с мигающей лампой. Тихо. Спокойно.

А потом сверху грохнуло.

Вера вздрогнула. Грохот повторился — что-то тяжёлое упало на пол. Следом — музыка. Громкая, с басами, от которых дрожали стёкла. Потом смех, голоса, топот.

Вечеринка.

Вера закрыла глаза, досчитала до десяти. Пятница, люди отдыхают, имеют право. Она переживёт. Наденет наушники, включит что-то своё, заглушит.

Но музыка не стихала. Через десять минут к ней присоединился женский визг — восторженный, пьяный. Потом мужской хохот. Потом что-то снова упало — со звуком, будто сбросили шкаф.

Вера сжала кулаки. Она устала. Устала от переезда, от мыслей об Антоне, от попыток собрать себя по кускам. И эта вечеринка была последней каплей.

Она встала, вышла из квартиры, поднялась по лестнице на этаж выше. Музыка гремела уже отчётливо — какой-то попсовый трек, от которого хотелось заткнуть уши. Вера постучала в дверь. Никто не ответил. Постучала сильнее. Тишина — только музыка.

Она нажала на звонок и держала палец, пока дверь наконец не распахнулась.

На пороге стоял мужчина.

Высокий — сантиметров сто девяносто, не меньше. Широкоплечий, с жёсткими чертами лица, тёмными волосами, коротко стриженными, и глазами, которые смотрели на неё так, будто оценивали и находили недостаточно опасной. На нём были джинсы и чёрная футболка, обтягивающая мускулистые руки. На правом предплечье — шрам, длинный, бледный.

Вера моргнула, собираясь с мыслями. Мужчина молчал, ждал. Выражение лица — незаинтересованное, почти скучающее.

— Можно потише? — выпалила Вера. — Я только въехала, устала, хочу спать, а у вас тут...

Она не договорила. Из глубины квартиры вынырнула девушка — блондинка в обтягивающем платье, с бокалом в руке. Она повисла на плече мужчины, хихикнула.

— Дима, кто это? Соседка? — Она посмотрела на Веру. — Привет, соседка! Хочешь к нам? У нас весело!

— Нет, — резко ответила Вера. — Я хочу тишины.

Мужчина — Дима, судя по всему — посмотрел на блондинку холодно.

— Марина, отойди.

Его голос был низким, с хрипотцой, и в нём слышалась привычка командовать. Марина скривилась, но послушалась, отошла.

Дима перевёл взгляд на Веру. Смотрел долго, оценивающе, и Вера почувствовала, как напрягается под этим взглядом. Будто он видел её насквозь — все слабости, все страхи, всю усталость.

— Марина моя сестра, — сказал он ровно. — Вечеринку устроила она. Я только сегодня приехал.

— И поэтому я должна терпеть? — Вера скрестила руки на груди.

— Нет, — отозвался Дима. — Не должна.

Он развернулся, шагнул в квартиру. Через секунду музыка стихла. Вера слышала, как он говорил что-то Марине — голос жёсткий, недовольный. Марина протестующе взвизгнула, но Дима не отступал.

Он вернулся к двери, посмотрел на Веру.

— Вечеринка закончена. Извините за шум.

Вера моргнула, не ожидая такой реакции.

— Спасибо, — выдавила она.

Дима кивнул — коротко, без улыбки.

— Меня зовут Дмитрий Соловьёв. Живу здесь временно, у сестры. Если будут ещё проблемы, стучите — разберусь.

Он говорил так, будто предлагал деловое соглашение. Без эмоций, без вежливой мишуры. Вера не знала, как реагировать.

— Вера, — представилась она. — Соколова. Живу этажом ниже.

— Понял.

Молчание. Неловкое, тягучее. Вера чувствовала, как его взгляд скользит по её лицу — оценивающе, внимательно. Будто он запоминал. Или искал что-то.

— Ну... спокойной ночи, — сказала она, отступая.

— Вам тоже.

Дверь закрылась. Вера спустилась к себе, вошла в квартиру, прислонилась к двери спиной. Сердце колотилось — от злости, от напряжения, от чего-то ещё, что она не хотела признавать.

Дмитрий Соловьёв. Высокий, мрачный, с тяжёлым взглядом и шрамом на руке. Он смотрел на неё, как никто не смотрел раньше — будто видел всё, что она прятала.

И это бесило.

Наверху было тихо. Вечеринка действительно закончилась. Вера подошла к окну, посмотрела на двор. Подумала, что завтра переедет. Найдёт другую квартиру, подальше от шумных соседей и мужчин с тяжёлыми взглядами.

Но не переехала.

Потому что на следующее утро всё изменилось.

Глава 2

Вера проснулась от звука капающей воды.

Первые несколько секунд она лежала с закрытыми глазами, пытаясь понять, снится ей это или нет. Капли падали мерно, ритмично — кап, кап, кап. Потом она услышала журчание, и что-то в этом звуке заставило её подскочить.

Она открыла глаза — и увидела тёмное пятно на потолке. Большое, влажное, расплывающееся. Из него сочилась вода — сначала каплями, потом тонкой струйкой.

— Чёрт!

Вера сбросила одеяло, вскочила. Вода капала прямо на кровать, на подушку, растекалась по простыне. Она схватила телефон — без пяти девять утра, суббота. Посмотрела на потолок — пятно увеличивалось, вода текла сильнее.

Она выбежала из квартиры в пижаме — старой футболке и шортах, даже не подумав накинуть халат. Взлетела по лестнице на этаж выше, стучала в дверь кулаком.

— Открывайте! У меня потоп!

Никто не отвечал. Вера стучала сильнее, давила на звонок.

— Откройте, немедленно!

Дверь распахнулась резко. На пороге стоял Дмитрий — босой, в спортивных штанах и расстёгнутой рубашке. Волосы взъерошены, на щеке след от подушки, глаза прищурены. Он явно только что проснулся.

— Что случилось? — Голос хриплый от сна, но настороженный.

— Меня заливает! — Вера почти кричала. — Вода течёт с потолка, прямо на кровать!

Дмитрий мгновенно стал собранным. Шагнул в квартиру, крикнул:

— Марина!

Тишина.

Он прошёл в глубину квартиры, Вера услышала, как он открывает дверь, потом ругается — коротко, сочно. Через минуту вернулся.

— Труба лопнула в ванной. Марины нет дома, она у подруги осталась на ночь. — Он взял телефон, набрал номер. — Сейчас перекрою воду, вызову аварийку.

Вера стояла на пороге, чувствуя, как внутри всё сжимается от бессилия. Новая квартира. Первая ночь. И вот.

Дмитрий разговаривал по телефону — чётко, по делу, никакой паники. Потом исчез в ванной, и Вера услышала скрежет вентиля. Журчание стихло.

Он вышел, застёгивая рубашку.

— Перекрыл. Сантехник приедет в течение часа. — Посмотрел на Веру внимательно. — У вас сильно затопило?

— Не знаю, — призналась Вера. — Я сразу сюда побежала.

— Пойдёмте, посмотрим.

Они спустились вместе. Вера открыла дверь, и Дмитрий вошёл следом, оглядывая квартиру профессиональным взглядом. На потолке красовалось огромное мокрое пятно, вода стекала на кровать, на пол. Лужа расползлась уже до середины комнаты.

Дмитрий подошёл ближе, потрогал потолок, посмотрел на кровать.

— Пострадало только это место?

— Пока да.

— Матрас придётся выкинуть. Потолок и стена потребуют ремонта — штукатурка, покраска. Пол тоже. — Он обернулся к ней. — У вас есть куда переехать на время?

Вера молчала. Лена сейчас жила на другом конце города, в однушке с парнем. Родители — в Питере. Других друзей в Москве не было — она переехала сюда полгода назад, работала удалённо, почти ни с кем не общалась.

— Нет, — сказала она тихо.

Дмитрий кивнул, будто ожидал такого ответа.

— Гостиница?

— Дорого. У меня... — Вера запнулась. — У меня сейчас не лучшие времена финансово.

Он смотрел на неё долго, и Вера почувствовала, как краснеет. Стоять перед этим мужчиной в пижаме, в затопленной квартире, признаваться в безденежье — унижительно.

— Понятно, — сказал Дмитрий наконец. — Слушайте. Марина в командировку уезжает сегодня вечером, на две недели. Квартира у неё трёхкомнатная, места много. Можете пожить у меня, пока ремонт идёт. Я присмотрю, чтобы мастера не халтурили.

Вера уставилась на него.

— Что?

— Предлагаю временное соседство, — повторил Дмитрий спокойно. — Труба лопнула по вине изношенной системы в нашей квартире. Я косвенно виноват. Помогу с ремонтом и жильём.

— Это... — Вера не знала, что сказать. — Это слишком.

— Это логично, — возразил он. — У вас нет выбора. У меня есть возможность. Берите.

Вера смотрела на него, пытаясь понять, что за человек перед ней. Вчера он был резким, холодным. Сегодня — собранным, чётким, предлагающим помощь без лишних эмоций. Будто решал рабочую задачу.

— Я не хочу быть обузой, — сказала она.

— Не будете. Я работаю удалённо, консультирую коллег. Дома почти не бываю. Вам будет место. — Он помолчал. — И чай с печеньками предлагать не стану. Просто крыша над головой.

Вера усмехнулась — нервно, но всё-таки.

— Вы так прямолинейны.

— Привычка. На работе нет времени на дипломатию.

— Кто вы по профессии?

Дмитрий помедлил секунду.

— Оперативник. Уголовный розыск. Сейчас в отпуске.

Вера моргнула. Это многое объясняло — жёсткость, прямоту, шрам на руке, тяжёлый взгляд.

— Понятно, — выдохнула она.

— Так что скажете? — Дмитрий смотрел на неё выжидающе. — Соглашайтесь, пока я не передумал быть великодушным.

В его голосе прозвучала ирония — лёгкая, почти незаметная. Вера подумала, что у неё действительно нет выбора. Гостиница — дорого. Лена — далеко и неудобно. Снимать ещё одну квартиру на две недели — глупо.

А этот мужчина предлагал решение. Пусть и странное.

— У меня есть условия, — сказала она, выпрямляясь.

Дмитрий приподнял бровь.

— Слушаю.

— Я не буду мешать. Буду работать, в основном по ночам, так что днём не попадусь на глаза. Уберу за собой. Не влезу в ваши дела.

— Отлично.

— И вы не будете лезть в мои.

Дмитрий усмехнулся — коротко, без веселья.

— Не собирался. Моё правило — держать дистанцию.

— Договорились.

Они пожали руки — его ладонь была тёплой, большой, с мозолями. Сильная. Вера отдернула руку, чувствуя странное покалывание в пальцах.

— Собирайте вещи, — сказал Дмитрий, оглядывая комнату. — Только то, что не промокло. Остальное упакуем, чтобы мастера не повредили. Сантехник скоро приедет, обсудим план ремонта. Я заплачу за материалы и работу.

— Не надо, — начала Вера, но он оборвал:

— Надо. Моя ответственность.

Он развернулся и вышел, не дожидаясь возражений.

Вера осталась стоять посреди затопленной квартиры, глядя на закрывшуюся дверь. Внутри клубилась смесь благодарности, растерянности и странного предчувствия, что её жизнь только что повернула не туда.

Или как раз туда, куда нужно.

Сантехник приехал быстро — пожилой мужчина с вечно недовольным лицом. Осмотрел трубу, покачал головой.

— Старьё. Полвека ей, не меньше. Удивительно, что не раньше лопнула.

— Сколько времени займёт замена? — спросил Дмитрий.

— Дня два. Потом ещё штукатурка, покраска, сушка. Недели две, если повезёт.

Дмитрий кивнул, назвал цену, сантехник согласился. Они обо всём договорились за десять минут — чётко, без торга. Вера стояла рядом, чувствуя себя лишней.

Когда сантехник ушёл, Дмитрий повернулся к ней.

— Собрались?

— Да.

Вера стащила вниз две сумки — одежду, ноутбук, косметичку, документы. Немного. Дмитрий взял одну сумку, даже не спросив разрешения.

Они поднялись в его — теперь их — квартиру.

Марина уже уехала, оставив записку на холодильнике:

«Дим, не убей соседку. Она милая. P.S. Котлеты в морозилке».

Дмитрий скомкал записку, бросил в мусорку.

— Ваша комната здесь, — сказал он, показывая на дверь слева. — Постель чистая, полотенца в шкафу. Ванная — там. Кухня общая.

Вера заглянула в комнату. Небольшая, светлая, с широким окном, диваном, столом и шкафом. Пахло свежим бельём и чем-то терпким — мужским одеколоном, наверное.

— Спасибо, — сказала она.

Дмитрий кивнул.

— Я работаю в кабинете, — он указал на дверь напротив. — Если я там, лучше не беспокоить. По телефону могу говорить резко — не пугайтесь, это рабочее.

— Хорошо.

— Завтракаю в шесть утра. Встаю в пять тридцать. Если не хотите меня видеть, вставайте позже.

Вера усмехнулась.

— Я сова. До шести обычно не просыпаюсь.

— Отлично. Конфликт интересов исключён.

Он говорил так серьёзно, что Вера не поняла, шутит он или нет.

— Дмитрий, — начала она. — Правда, спасибо. Я...

— Не стоит, — оборвал он. — Вы бы сделали то же самое.

— Не уверена.

Он посмотрел на неё — долго, внимательно. В его глазах мелькнуло что-то, чего Вера не успела разобрать.

— Тогда вы недооцениваете себя, — сказал он и ушёл в кабинет, закрыв дверь.

Вера осталась стоять в коридоре, сжимая ручку сумки. Внутри что-то переворачивалось — непонятное, тревожное, странно тёплое.

Она зашла в свою временную комнату, закрыла дверь, опустилась на диван.

Две недели. Она проживёт здесь две недели с женщиной, которого видела дважды в жизни. С опером, который смотрел на неё, будто читал мысли. С человеком, у которого была броня вместо сердца.

Что может пойти не так?

Всё, подумала Вера.

Абсолютно всё.

Глава 3

Первое утро Вера проснулась от звука шагов.

Тяжёлых, мерных, ритмичных. Она открыла глаза, посмотрела на телефон — пять сорок семь. За окном было темно. Шаги продолжались — туда-сюда, туда-сюда. Потом заскрипели половицы, хлопнула дверь.

Вера натянула одеяло на голову и попыталась уснуть снова. Не получилось. Через десять минут по квартире разнёсся запах кофе — крепкого, горького. Потом заработал телевизор — новости, мужской голос диктора, сводка происшествий.

В шесть тридцать всё стихло. Вера выглянула из-под одеяла, прислушалась. Тишина.

Она встала, накинула халат, вышла на кухню. Пусто. В раковине — одна чашка, вымытая и поставленная сушиться. На столе — записка, написанная чёткими, угловатыми буквами:

«Кофе в банке справа. Хлеб в хлебнице. Масло в холодильнике. Уехал на встречу, вернусь к обеду. Д.»

Вера усмехнулась. Лаконично. В его стиле.

Она налила себе кофе из турки, которая стояла на плите — Дмитрий, видимо, сварил с запасом. Кофе был обжигающе горячим и крепким, без сахара. Вера поморщилась, добавила две ложки.

Села у окна, смотрела на просыпающийся город. Чистые пруды под утренним туманом, редкие прохожие, бегуны в парке. Тихо. Спокойно.

Странно.

Последние недели её жизнь была хаосом. А здесь — порядок. Даже слишком. Будто она попала в армейскую казарму, где всё разложено по полочкам и подчинено расписанию.

Дмитрий вернулся в полдень. Вера сидела за ноутбуком в своей комнате, работала над логотипом для заказчика. Услышала, как открылась входная дверь, как он прошёл на кухню, как зазвенела посуда.

Она вышла через полчаса — налить воды. Дмитрий сидел за столом с бумагами, что-то помечал красной ручкой. Перед ним стояла тарелка с остатками омлета и чашка кофе.

Он поднял взгляд, кивнул.

— День добрый.

— Привет, — отозвалась Вера, наливая воду из кулера.

— Как спалось?

— Нормально. — Она помедлила. — Ты рано встаёшь.

— Привычка.

— С работы?

— Да.

Односложные ответы. Вера поняла, что разговор окончен. Она вернулась в комнату, закрыла дверь. Подумала, что две недели будут долгими.

Вера работала до трёх ночи. Заказчик прислал правки, потом ещё правки, потом передумал и попросил вернуть первый вариант. Она едва сдержалась, чтобы не нахамить, переделала, отправила, закрыла ноутбук.

Вышла на кухню за водой. Свет в коридоре горел. Она прошла тихо, босиком, и замерла у двери кабинета.

Дмитрий сидел у окна в кресле, в одних спортивных штанах, с бокалом в руке. Виски, судя по цвету. Он смотрел в окно, не двигаясь, и на его лице было выражение, которое Вера ещё не видела — усталое, потерянное. Будто он был далеко отсюда.

Она хотела уйти незамеченной, но пол скрипнул. Дмитрий обернулся — резко, настороженно. Увидел её, расслабился.

— Не спится? — спросил он.

— Работала, — ответила Вера. — А ты?

Он пожал плечами.

— Привык не спать.

— Каждую ночь?

— Часто.

Вера прошла на кухню, налила воды, вернулась. Дмитрий всё так же сидел у окна. Она остановилась в дверях.

— Бессонница?

— Что-то вроде.

— Из-за работы?

Он посмотрел на неё долго, потом отпил виски.

— Можно и так сказать.

Вера хотела спросить ещё что-то, но его лицо было закрытым. Она кивнула и ушла.

Ночью, лёжа в постели, она слышала, как он ходил по квартире — медленно, тяжело. Как скрипели половицы. Как он стоял у окна, не двигаясь.

И она поняла: у этого человека демоны. Большие. Тяжёлые.

Утром Вера встала раньше обычного — в восемь. Вышла на кухню, увидела Дмитрия. Он делал зарядку в гостиной — отжимания, быстрые, чёткие. Мышцы спины перекатывались под загорелой кожей, на которой были шрамы — несколько, разной длины. На груди, на боку, на плече.

Вера замерла, глядя. Он заметил её, поднялся, взял футболку с дивана, натянул.

— Извини, — сказал он. — Не думал, что ты проснешься так рано.

— Ничего, — выдавила Вера, отводя взгляд. — Я просто... кофе.

Она прошла на кухню, чувствуя, как горят щёки. Включила кофемашину, достала чашку. Дмитрий появился через минуту — в футболке, с полотенцем на плечах.

— Не привык к соседям, — сказал он, наливая себе воды. — Обычно один.

— Я тоже, — призналась Вера. — Это... непривычно.

Он усмехнулся — едва заметно.

— Потерпим две недели.

— Да.

Они пили кофе молча. Вера украдкой разглядывала его — жёсткие черты лица, тёмные глаза с тенями под ними, сжатые губы. Он выглядел старше своих лет. Усталым. Измотанным чем-то, что не залечить отпуском.

— Чем занимаешься? — спросил Дмитрий вдруг.

Вера вздрогнула.

— Я? Графический дизайн. Фриланс.

— Нравится?

— В основном. — Она пожала плечами. — Свобода, но нет стабильности. Заказчики бывают... сложные.

— Понимаю. У меня тоже бывают сложные.

Вера представила, какие «сложные» у оперативника, и поёжилась.

— Наверное, твои сложнее.

Дмитрий не ответил. Допил воду, поставил стакан в раковину.

— Мне на встречу. Вечером вернусь поздно.

— Хорошо.

Он ушёл. Вера осталась на кухне, глядя в окно и думая, почему его присутствие так сильно влияет на неё.

Утро началось плохо. Заказчик отказался платить, сославшись на то, что «не то видение». Вера полчаса спорила с ним в переписке, потом плюнула и пошла делать кофе.

Дмитрий сидел за столом с ноутбуком и документами. Перед ним стояла чашка кофе — полная, дымящаяся. Он разговаривал по телефону — голос жёсткий, резкий:

— Нет, Серёга, это не вариант. Нужны факты, а не предположения. Без доказательств дело развалится... Да, понимаю. Но понимание не поможет в суде.

Вера прошла мимо, неся свою чашку. Споткнулась о ножку стула — чёртов старый паркет — и кофе выплеснулся. Прямо на документы Дмитрия.

Он отшатнулся, вскочил, отбросил телефон. Кофе растёкся по бумагам — коричневым пятном, пропитывая насквозь.

— Чёрт! — выругался он, хватая бумаги, пытаясь стряхнуть кофе.

— Извини, — залепетала Вера. — Я не хотела, я споткнулась...

Дмитрий смотрел на испорченные документы, и лицо его было каменным.

— Это важные бумаги, — сказал он тихо. Слишком тихо. — Дело, над которым я работаю месяц.

— Извини, — повторила Вера, чувствуя, как горло сжимается. — Я правда не специально. Можно их восстановить?

— Можно. — Он поднял взгляд, и в его глазах была злость. — Если потратить ещё два дня на запросы и согласования.

— Я... я не знаю, что сказать.

— Тогда не говори ничего.

Он собрал промокшие бумаги, швырнул их в раковину. Вера стояла, сжимая пустую чашку, чувствуя себя идиоткой.

— Дмитрий...

— Забудь, — бросил он, не оборачиваясь. — Просто будь внимательнее.

Он ушёл в кабинет, громко закрыв дверь. Вера осталась на кухне, глядя на коричневое пятно на столе.

Она вытерла его, вымыла чашку, вернулась к себе. Села за ноутбук, но работать не могла. Перед глазами стояло его лицо — холодное, злое.

Она действительно облажалась.

Дмитрий вернулся в одиннадцать. Вера сидела в своей комнате, делала вид, что работает. Слышала, как он прошёл в ванную, как зашумела вода.

Через полчаса постучали в её дверь. Вера открыла. Дмитрий стоял в дверях — в домашней одежде, с мокрыми волосами.

— Извини, — сказал он. — Сорвался. Не должен был.

Вера моргнула, не ожидая извинений.

— Нет, это я виновата. Испортила твои документы.

— Ты споткнулась. Не специально. — Он потёр переносицу. — Я просто... устал. Дело сложное. А я не люблю, когда планы рушатся.

— Я поняла, — тихо сказала Вера. — Контрольфрик.

Дмитрий усмехнулся — без веселья.

— Можно и так сказать.

— Я тоже извиняюсь. Буду смотреть под ноги.

Он кивнул. Молчание повисло между ними — неловкое, тягучее. Вера не знала, что ещё сказать.

— Ты поставил чашку на край стола, — вдруг выпалила она. — Сам виноват.

Дмитрий уставился на неё, потом рассмеялся — коротко, хрипло, но искренне.

— Ты невыносима, — сказал он.

— Взаимно, — парировала Вера.

Он качал головой, всё ещё усмехаясь.

— Спокойной ночи, Вера.

— И тебе.

Дверь закрылась. Вера стояла, прислонившись к косяку, и улыбалась.

Странный он. Резкий, закрытый, но способный извиниться. И его смех — она запомнила этот звук.

Вера проснулась в три часа от жажды. Вышла на кухню тихо, налила воды. Свет в гостиной горел.

Она заглянула. Дмитрий стоял у окна — в одних штанах, с бокалом виски в руке. Спиной к ней. Плечи напряжены, голова опущена.

Вера смотрела на него и видела: он не просто не спит. Он не может спать. Что-то держит его здесь, у окна, в три часа ночи, с виски и тишиной.

Она хотела спросить. Но что-то останавливало. Он не из тех, кто делится. Не из тех, кто открывается первому встречному.

Но она больше не была первой встречной.

Вера отступила, ушла к себе. Лежала в постели, глядя в потолок, и думала о мужчине за стеной.

О том, что у него шрамы не только на теле.

О том, что ей хочется узнать, откуда они.

И это пугало больше всего.

Глава 4

День пятый начался с тишины.

Вера проснулась в полдень — поздно, даже для неё. Всю ночь возилась с макетом для интернет-магазина, уснула под утро. Вышла на кухню растрёпанная, в старой футболке и пижамных штанах, с мыслью только о кофе.

Дмитрия не было. На столе лежала записка:

«Уехал на день. Вернусь к вечеру. В холодильнике есть еда. Д.»

Вера открыла холодильник. Внутри — контейнеры с готовой едой, овощи, сыр, яйца. Аккуратно разложено, почти по линейке. Она усмехнулась. Даже холодильник у него был в армейском порядке.

Она сварила кофе, села у окна с ноутбуком. Работала до вечера — монотонно, механически. Мысли уплывали. К Дмитрию. К тому, как он стоял у окна ночью. К его шрамам. К его усталым глазам.

Она почти не знала этого человека. Неделя соседства — это ничто. Но что-то в нём цепляло. Притягивало. Будто под бронёй пряталось что-то живое, тёплое, что он отчаянно скрывал от всех.

В семь вечера хлопнула входная дверь. Вера услышала шаги, шуршание пакетов. Вышла из комнаты.

Дмитрий стоял на кухне, выкладывая продукты из сумок. Он был в джинсах и тёмной куртке, волосы растрёпаны, на щеке — след от чего-то острого, тонкая красная царапина.

— Привет, — сказала Вера.

Он обернулся, кивнул.

— Привет.

— Что с лицом?

Дмитрий машинально коснулся царапины.

— Ерунда. Зацепился за ветку на пробежке.

Вера не поверила, но не стала уточнять.

— Ты купил продукты?

— Да. Холодильник пустел. — Он достал упаковку мяса, овощи, зелень. — Собирался приготовить ужин. Если хочешь, могу на двоих.

Вера моргнула.

— Ты готовишь?

Дмитрий усмехнулся — коротко.

— Удивлена?

— Немного. Думала, ты из тех, кто питается готовой едой и кофе.

— Был таким. Потом понял, что так долго не протяну. — Он открыл холодильник, убрал продукты. — Научился готовить простые вещи. Мясо, овощи, пасту. Ничего изысканного.

— Я бы не отказалась, — призналась Вера. — Целый день на бутербродах.

— Тогда садись. Через полчаса будет готово.

Вера села за стол, наблюдая, как он двигается по кухне. Чётко, без суеты. Нарезал мясо, овощи, разогрел сковороду. Запахло чесноком, травами, жареным мясом. Желудок Веры заурчал.

Дмитрий налил два бокала красного вина, поставил один перед ней.

— Не за рулём? — спросила она, приподнимая бровь.

— Сегодня нет. — Он помешал овощи на сковороде. — Можно расслабиться.

Вера отпила вино. Терпкое, с привкусом вишни. Хорошее.

— Ты разбираешься в винах?

— Чуть-чуть. Марина научила. Она сомелье в прошлом.

— Серьёзно?

— Угу. Работала в ресторане, потом переквалифицировалась в PR. Говорит, устала от пьяных клиентов. — Дмитрий усмехнулся. — Но вкус остался.

Вера представила его сестру — блондинку с бокалом, которая устроила вечеринку в первый вечер. Яркая, шумная. Полная противоположность Дмитрию.

— Вы не похожи, — сказала она.

— Знаю. Марина — огонь. Я — лёд. — Он выключил плиту, разложил еду по тарелкам. — Но мы ладим. В основном.

Он поставил тарелку перед Верой. Курица с овощами в соусе, пахнувшая так, что хотелось есть немедленно.

— Выглядит отлично, — сказала она.

— Посмотрим, каково на вкус.

Вера попробовала. Мясо было нежным, овощи — с хрустом, соус — в меру острым.

— Это вкусно, — выдохнула она. — Очень.

Дмитрий сел напротив, начал есть. На его лице мелькнула тень улыбки.

— Рад, что нравится.

Они ели молча какое-то время. Тишина была удивительно комфортной. Вера думала, что с ним всегда неловко молчать, но сейчас — нет. Сейчас было спокойно.

— Можно вопрос? — спросила она, доедая курицу.

Дмитрий поднял взгляд.

— Смотря какой.

— Почему ты оперативник?

Он замер, глядя на неё. Потом отпил вина, откинулся на спинку стула.

— Сложный вопрос.

— У тебя есть простые ответы?

Дмитрий усмехнулся — без веселья.

— Редко. — Он помолчал, покрутил бокал в руке. — Так получилось. После армии не знал, чем заняться. Друг позвал в полицию. Пошёл. Оказалось, получается.

— Получается ловить преступников?

— Получается видеть то, что другие не видят. Понимать мотивы. Предугадывать действия. — Он пожал плечами. — Говорят, у меня талант.

— Но ты не выглядишь счастливым.

Дмитрий посмотрел на неё остро.

— Счастье и работа — разные вещи.

— Не обязательно.

— В моём случае — обязательно. — Он допил вино, поставил бокал. — Моя работа — это грязь. Насилие. Смерть. Невозможно делать её и оставаться счастливым.

Вера молчала, переваривая его слова.

— Тогда почему продолжаешь?

— Потому что кто-то должен. — Его голос стал жёстче. — Потому что если не я, то кто? Потому что я видел слишком много, чтобы просто уйти и забыть.

— Даже если это разрушает тебя?

Дмитрий смотрел на неё долго, и в его глазах была боль — глубокая, старая.

— Я уже разрушен, — сказал он тихо. — Давно.

Вера чувствовала, как сердце сжимается. Она хотела что-то сказать, но не знала что. Слова «мне жаль» казались пустыми.

— Расскажи про напарника, — попросила она. — Марина говорила, что ты потерял его. Дмитрий напрягся. Челюсти сжались, взгляд стал холодным.

— Марина много говорит.

— Она переживает за тебя.

— Напрасно.

— Дмитрий...

— Не надо, — оборвал он. — Не лезь туда, куда не просят.

Его голос был как удар. Вера отшатнулась, чувствуя, как внутри всё сжимается от обиды.

— Извини, — сказала она тихо. — Не хотела давить.

Дмитрий выдохнул, потёр лицо ладонями.

— Нет, это я извини. — Он поднял взгляд, и в нём была усталость. — Я не умею говорить об этом. Даже с психологом не смог. А ты... ты просто спросила. И я нахамил.

— Ничего.

Он качал головой.

— Макс. Его звали Макс. Мы работали вместе семь лет. Он был как брат. — Дмитрий замолчал, глядя в стену. — Два года назад мы вели дело. Крупное. Наркотики, оружие, связи с политиками. Опасное. Макс настаивал, что нужно действовать быстрее. Я хотел подождать, собрать больше доказательств. Мы поспорили. Он пошёл один на встречу с информатором. — Голос Дмитрия стал глухим. — Его убили. Выстрелом в затылок. Нашли в промзоне. Информатор оказался подставой.

Вера замерла, не дыша.

— Я должен был пойти с ним, — продолжал Дмитрий. — Или остановить. Я знал, что опасно. Но поддался его напору. Думал, он справится. — Он сжал кулаки. — Я ошибся. И он погиб из-за меня.

— Это не твоя вина, — тихо сказала Вера.

— Моя. — Дмитрий посмотрел на неё, и в его глазах была такая боль, что Вера едва сдержалась, чтобы не заплакать. — Я напарник. Я должен был защитить. Не смог.

— Ты не мог знать...

— Должен был. — Он встал резко, отошёл к окну. — Это моя работа — знать, предвидеть, предотвращать. Я облажался. И Макс заплатил за это жизнью.

Вера встала, подошла к нему. Он стоял спиной, плечи напряжены, руки сжаты в кулаки.

— Дмитрий, — сказала она. — Ты не можешь всё контролировать. Даже ты.

— Могу. Должен.

— Нет. — Она коснулась его плеча, осторожно. — Ты человек. Не бог. Ты не можешь знать всё наперёд.

Он обернулся резко, и Вера увидела его лицо вблизи — искажённое болью, гневом, отчаянием.

— Ты не понимаешь, — сказал он хрипло. — Я потерял его. Потом потерял жену — она ушла, потому что не выдержала моей работы. Все, кого я подпускаю близко, страдают или уходят. Все.

— Не все, — прошептала Вера.

— Все, — повторил он, глядя на неё так, будто видел в первый раз. — И ты уйдёшь.

Рано или поздно.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что так всегда.

Вера смотрела на него, чувствуя, как внутри что-то переворачивается. Он был так близко. Она видела каждую морщинку у его глаз, каждую тень на его лице. Чувствовала его тепло, его запах — терпкий, мужской, с примесью кофе и чего-то ещё.

— Дим, — начала она впервые обращаясь к нему так просто и ласково, но он перебил, поднимая руку и касаясь её щеки.

Его пальцы были тёплыми, чуть шершавыми. Он провёл большим пальцем по её скуле — медленно, будто боялся, что она исчезнет.

— Ты слишком хорошая для этого мира, — сказал он тихо. — Слишком светлая. А я... я весь в темноте.

— Мне не страшно, — прошептала Вера.

— Должно быть.

Но он не отнял руку. Смотрел на неё, и в его глазах была борьба — желание и страх, притяжение и отторжение.

Вера подалась вперёд — чуть-чуть, на миллиметр. Дмитрий замер. Потом наклонился, и их губы почти коснулись...

Он отшатнулся.

Резко, будто обжёгся.

— Нет, — сказал он хрипло. — Это... нет.

Вера стояла, не дыша, чувствуя, как внутри всё сжимается от стыда и боли.

— Извини, — выдавила она. — Я не хотела...

— Не ты. — Дмитрий отступил ещё на шаг. — Это я. Я не должен. Не имею права.

— Почему?

— Потому что я не могу дать тебе то, что ты заслуживаешь. — Его голос был жёстким, почти злым. — Я не умею любить наполовину. Если начну, не смогу остановиться. А потом потеряю тебя. Как всех.

— Ты не знаешь этого.

— Знаю. — Он развернулся, пошёл к двери. — Мне нужно выйти. Прогуляться.

— Дмитрий, подожди...

Но он уже ушёл. Хлопнула входная дверь.

Вера осталась стоять на кухне, глядя на пустое место, где он стоял секунду назад. Она подняла руку, коснулась щеки — там, где были его пальцы, всё ещё чувствовалось тепло.

Внутри что-то болело. Остро. Непривычно.

Она поняла: это не просто притяжение. Не просто интерес.

Это что-то большее.

И это пугало до чёртиков.

Дмитрий вернулся через два часа. Вера слышала, как он вошёл, как прошёл в свою комнату, как закрылась дверь.

Она лежала в постели, не в силах уснуть. Прокручивала в голове их разговор, его прикосновение, почти-поцелуй.

Почему он отстранился?

Потому что боялся. Она видела это в его глазах. Он боялся привязаться, боялся потерять, боялся снова остаться с виной и пустотой.

Но она не хотела быть ещё одной потерей.

Она хотела быть той, кто останется.

Вера закрыла глаза, зная, что две недели превратились в испытание. Для них обоих.

Глава 5

Следующие два дня Дмитрий избегал её.

Он уходил рано, возвращался поздно. Оставлял записки на кухне — короткие, сухие. «Буду поздно», «Ужин в холодильнике», «Не жди». Вера видела его мельком — в коридоре, когда он проходил мимо её комнаты, не останавливаясь. На кухне, когда он наливал кофе и уходил, бросив лишь «доброе утро».

Он возвёл между ними стену. Толстую. Непроницаемую.

Вера злилась. На него — за трусость. На себя — за то, что подалась вперёд тогда, на кухне. За то, что хотела его поцеловать. За то, что до сих пор хотела.

Она работала до изнеможения, брала все заказы подряд, сидела за компьютером по двенадцать часов. Пыталась не думать о нём. Не получалось. Он был повсюду — в запахе кофе по утрам, в шагах за стеной, в тишине ночной квартиры.

На восьмой день соседства Вера поняла: она влипла.

Было половина второго ночи, когда хлопнула входная дверь.

Вера сидела за ноутбуком, дорабатывала макет. Вздрыгнула от звука — громкого, резкого. Потом услышала шаги — тяжёлые, неровные. Что-то грохнуло в коридоре, Дмитрий выругался — глухо, невнятно.

Вера выглянула из комнаты.

Он стоял у стены, опираясь на неё плечом. Куртка расстёгнута, рубашка вытащена из джинсов, волосы растрёпаны. Он поднял голову, увидел её — и усмехнулся. Криво, пьяно.

— Привет, соседка, — сказал он, и голос был хриплым, вязким. — Не спишь?

Вера подошла ближе, разглядывая его. От него пахло виски и сигаретами. Глаза красные, взгляд расфокусированный.

— Ты пьян, — констатировала она.

— Очень наблюдательно. — Дмитрий оттолкнулся от стены, пошёл на кухню, пошатываясь. — Хочу воды.

Вера пошла за ним. Он налил воду из-под крана, выпил залпом, налил ещё. Оперся о раковину, опустив голову.

— Где ты был? — спросила Вера.

— С коллегами. Встречались. Выпивали. — Он повернулся к ней, прислонился спиной к столешнице. — Макса вспоминали.

Вера замерла.

— Сегодня... какая-то дата?

— Два года. — Дмитрий засмеялся — коротко, горько. — Два года, как его нет. А я всё ещё здесь. Живой. Здоровый. — Он провёл рукой по лицу. — Несправедливо, правда?

— Дима...

— Знаешь, что самое смешное? — Он смотрел на неё, и в его глазах была такая боль, что Вера физически почувствовала её. — Я пытался забыть. Работал, пил, трахался с незнакомками. Ничего не помогало. Он всё равно здесь. — Дмитрий ткнул себя в грудь. — Сидит внутри, как заноза. Напоминает, что я облажался.

— Ты не облажался.

— Облажался. — Он оттолкнулся от стола, прошёл мимо неё в гостиную. — Я должен был пойти с ним. Или остановить. Но я поддался. Думал, он прав. Что нужно рисковать, чтобы получить результат. — Дмитрий опустился на диван, уронил голову в ладони. — А получил труп напарника и чувство вины, которое не заглушить ничем.

Вера подошла, села рядом. Не касаясь, просто рядом.

— Ты сделал, что мог, — сказала она тихо.

— Мог больше.

— Ты не бог.

— Должен был быть. — Дмитрий поднял голову, посмотрел на неё. Глаза мокрые, красные. — Это моя работа — предотвращать. Спасать. Я не спас.

Вера чувствовала, как внутри всё сжимается. Она видела его без брони впервые. Сломленного. Потерянного. Человека, который нёс груз вины два года и не мог положить его.

— Дима, — сказала она, касаясь его руки. — Это не твоя вина. Ты не мог знать.

— Мог. — Он сжал её пальцы — сильно, почти больно. — Я всё анализировал потом. Раз сто. Были признаки. Информатор вёл себя странно. Торопился. Макс тоже торопился. Я должен был увидеть. Остановить. Но не сделал. Потому что устал. Потому что хотел закрыть дело быстрее. — Его голос сорвался. — Я предпочёл результат жизни напарника.

— Нет, — твёрдо сказала Вера. — Ты предпочёл доверие. Ты доверился Максиму. Это не преступление.

Дмитрий смотрел на неё долго, и по его щеке скатилась слеза. Одна. Он вытер её резко, зло.

— После этого жена ушла, — сказал он. — Не выдержала. Я стал невыносимым. Злым. Закрытым. Она пыталась помочь, я отталкивал. Говорила, что любит, я не верил. Думал, что рано или поздно она устанет и уйдёт. Так и вышло. — Он засмеялся — глухо. — Я сам её выгнал. Сказал, что она мне мешает. Что работа важнее.

— Ты не думал так на самом деле.

— Думал. — Дмитрий стиснул зубы. — Потому что так проще. Если никого не подпускать близко, никого не потеряешь. Если не любить, не будет больно.

— Но тебе больно, — тихо сказала Вера. — Прямо сейчас. Ты один, и тебе больно.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько отчаяния, что Вера не выдержала. Обняла его — просто так, крепко, не спрашивая разрешения.

Дмитрий замер. Потом обнял в ответ — отчаянно, будто она была спасательным кругом в шторм. Уткнулся лицом ей в шею, и Вера чувствовала, как его плечи дрожат.

Он плакал. Тихо, сдержанно, но плакал.

Вера гладила его по спине, по волосам, шептала:

— Всё хорошо. Ты не один. Я здесь.

Они сидели так долго. Минут десять, двадцать — Вера не считала. Дмитрий постепенно успокаивался, дыхание выравнивалось.

Он поднял голову, посмотрел на неё — глаза красные, но взгляд яснее.

— Прости, — сказал он хрипло. — Не хотел вываливать на тебя всё это.

— Не извиняйся. — Вера коснулась его щеки. — Тебе нужно было выговориться.

— Я не умею.

— Теперь умеешь.

Дмитрий смотрел на неё долго, и что-то в его взгляде изменилось. Потеплело. Смягчилось.

— Ты странная, — сказал он.

— Почему?

— Потому что не сбежала. Любой нормальный человек сбежал бы от пьяного опера, который ревёт на диване.

Вера усмехнулась.

— Я не нормальная.

— Вижу.

Он поднял руку, коснулся её волос — осторожно, будто боялся спугнуть. Провёл пальцами по пряди, убирая её за ухо.

— Вера, — начал он, и голос был тихим, надломленным. — Я не хочу делать тебе больно. Но боюсь, что сделаю. Потому что я... я сломан. Весь в трещинах. И не знаю, можно ли меня починить.

— Не нужно чинить, — прошептала Вера. — Нужно просто быть.

— Я не умею просто быть.

— Научишься.

Дмитрий смотрел на неё, и в его глазах была буря — желание, страх, сомнение. Потом он наклонился — медленно, давая ей время отстраниться.

Вера не отстранилась.

Их губы встретились — мягко, осторожно. Он целовал её так, будто она была хрупкой, драгоценной. Вера ответила, и что-то вспыхнуло между ними — искра, которая копилась дни.

Дмитрий углубил поцелуй, притянул её ближе. Вера обвила руками его шею, чувствуя, как мир исчезает. Есть только он — его губы, его руки на её талии, его тепло.

Он оторвался, прижался лбом к её лбу, дыша тяжело.

— Если мы продолжим, я не смогу остановиться, — сказал он хрипло.

— Тогда не останавливайся, — прошептала Вера.

Дмитрий замер, смотрел на неё — долго, изучающе.

— Ты уверена?

— Да.

Он поднял её на руки — легко, будто она ничего не весила. Понёс в свою комнату. Вера обвила его за шею, целуя в шею, в скулу, в угол губ.

Дмитрий опустил её на кровать, навис сверху. Смотрел так, будто видел в первый раз.

— Ты красивая, — сказал он. — Я хотел сказать раньше, но не мог.

— Почему?

— Боялся, что не удержусь.

Вера улыбнулась, притянула его к себе.

— Не удерживайся.

И он не удержался.

Он целовал её — жадно, требовательно, будто пытался запомнить каждый изгиб её губ. Руки скользили по её телу — сначала поверх одежды, потом под ней. Вера выгнулась, когда его пальцы коснулись её кожи — горячие, чуть шершавые.

— Дима, — выдохнула она.

— Я здесь, — прошептал он, целуя её шею. — Я с тобой.

Одежда исчезла — её футболка, его рубашка, джинсы. Вера видела его тело — мускулистое, со шрамами, каждый из которых рассказывал историю. Она касалась их пальцами, губами, и Дмитрий замирал, глядя на неё с таким выражением, будто не верил, что это происходит.

— Ты настоящая? — спросил он хрипло.

— Настоящая, — ответила Вера, притягивая его к себе.

Он вошёл в неё медленно, глядя в глаза, и Вера ахнула — от ощущений, от искр между ними, от того, как он заполнял её целиком. Дмитрий замер, давая ей привыкнуть.

— Хорошо? — спросил он.

— Да, — выдохнула Вера. — Не останавливайся.

Он двигался — сначала медленно, потом быстрее. Вера обвила его ногами, чувствуя, как внутри всё сжимается, напрягается, готовится взорваться. Как оргазм обещает быть умопомрачительным. Дмитрий целовал её — в губы, в шею, в плечо, шептал её имя, как молитву.

— Вера... Вера... моя...

Она сорвалась первой — с его именем на губах, сжимаясь вокруг него. Дмитрий последовал за ней через секунду, застывая, роняя голову ей на плечо.

Они лежали, тяжело дыша, сплетясь телами. Дмитрий перекатился на бок, притянул её к себе, обнимая так, будто боялся отпустить.

— Я не хотел, чтобы так вышло, — сказал он тихо.

— Почему?

— Потому что теперь не смогу отпустить тебя.

Вера повернулась к нему, посмотрела в глаза.

— Тогда не отпускай.

Дмитрий коснулся её щеки, провёл большим пальцем по губам.

— Я сломаю тебе сердце, — сказал он. — Рано или поздно.

— Или я сломаю твоё.

Он усмехнулся — грустно.

— Моё уже сломано.

— Тогда я соберу осколки.

Дмитрий смотрел на неё долго, потом притянул к себе, целуя в макушку.

— Ты слишком хорошая для меня, — прошептал он.

— А ты слишком упрямый для меня, — ответила Вера. — Но мы справимся.

Они уснули в обнимку, под утро. Вера слушала его дыхание — ровное, спокойное — и думала, что, возможно, впервые за два года он спал без кошмаров.

И это было важнее всего.

Вера проснулась от света. Открыла глаза, увидела Дмитрия. Он сидел на краю кровати, одетый в джинсы, спиной к ней. Плечи напряжены, голова опущена.

— Дим? — позвала она, садясь.

Он обернулся. Лицо закрытое, глаза холодные.

— Доброе утро, — сказал он ровно.

Вера почувствовала, как внутри всё сжимается от предчувствия.

— Что случилось?

Дмитрий встал, отошёл к окну.

— То, что было вчера... это ошибка.

Вера замерла, не веря своим ушам.

— Что?

— Я был пьян. Не контролировал себя. — Его голос был жёстким, почти злым. — Не должен был этого делать.

— Ты не был настолько пьян, — возразила Вера, чувствуя, как внутри поднимается гнев. — Ты знал, что делаешь.

— Знал. И всё равно сделал. Потому что эгоист. — Дмитрий развернулся, посмотрел на неё. — Вера, я не могу дать тебе то, что ты заслуживаешь. Я не умею быть в отношениях. Моя работа, моё прошлое — это всё мешает.

— Я не прошу тебя быть идеальным, — Вера встала, накинув простыню. — Я прошу просто быть честным.

— Я честен. — Дмитрий сжал кулаки. — Честно говорю: я не смогу. Я подведу тебя. Как подводил всех.

— Ты не знаешь этого.

— Знаю. — Он подошёл к двери. — Извини. Не стоило этого начинать.

Он вышел, закрыв дверь.

Вера стояла посреди его комнаты, завернувшись в простыню, и чувствовала, как внутри всё разваливается на части.

Он снова отстранился. После всего. После откровений, после близости, после того, как она видела его настоящего.

Он испугался. И сбежал.

Вера села на кровать, обхватив колени руками. Не плакала. Просто сидела, чувствуя пустоту.

А потом поняла: она не отступит.

Даже если он будет бежать, строить стены, отталкивать.

Она не отступит.

Потому что видела его. Настоящего. Сломанного. Живого.

И он стоил того, чтобы бороться.

Глава 6

Все последующие дни Дмитрий избегал её с маниакальным упорством.

Он уходил до рассвета, возвращался за полночь. Оставлял записки — ещё более сухие, чем раньше. «Уехал», «Вернусь поздно», «Не жди». Иногда вообще ничего не писал.

Вера видела его трижды за пять дней. Один раз — мельком в коридоре, когда он проходил мимо, глядя в телефон, даже не поздоровавшись. Второй раз — на кухне рано утром, когда она вышла за водой и застала его с чашкой кофе. Он кивнул холодно, взял чашку и ушёл в кабинет, закрыв дверь. Третий раз — поздно вечером, когда Вера услышала, как он вернулся, прошёл в ванную, потом в свою комнату. Она вышла в коридор, но его дверь была закрыта. Она постучала тихо.

— Дим?

Тишина.

— Дима, нам нужно поговорить.

— Не сейчас, — донеслось из-за двери. Голос усталый, но твёрдый. — Спи. Поговорим потом.

«Потом» не наступало.

Вера злилась. Обижалась. Болела. Она пыталась работать, но мысли постоянно возвращались к той ночи. К его прикосновениям. К его словам. «Моя». Он сказал «моя», когда был внутри неё, когда смотрел на неё так, будто она была центром его мира.

А утром отстранился. Назвал это ошибкой.

Сволочь.

Сантехник позвонил на седьмой день.

— Ремонт готов, — сказал он бодро. — Можете заезжать. Всё как новенькое.

Вера сидела на своей временной кровати, сжимая телефон, и чувствовала, как внутри всё сжимается.

— Спасибо, — выдавила она. — Приеду завтра.

Она собрала вещи вечером. Немного — две сумки, рюкзак. Две недели соседства уместались в три пакета. Смешно и грустно одновременно.

Дмитрия не было дома. Вера написала ему сообщение:

«Ремонт закончен. Уезжаю завтра утром. Спасибо за помощь».

Ответ пришёл через час:

«Хорошо. Я помогу донести вещи».

Вера уставилась на экран. Он даже сейчас держал дистанцию. Даже в переписке.

«Не нужно. Справлюсь сама».

«Вера. Я помогу».

Она не ответила. Легла спать, зная, что это последняя ночь в его квартире. Последняя ночь рядом с ним.

И от этого было невыносимо больно.

Дмитрий появился в семь утра. Вера уже проснулась, сидела на кухне с кофе, глядя в окно.

Он вошёл тихо, остановился в дверях.

— Доброе утро, — сказал он.

— Привет, — отозвалась Вера, не оборачиваясь.

Молчание. Тяжёлое, давящее.

— Вещи собрала? — спросил Дмитрий.

— Да.

— Я отнесу.

— Не нужно.

— Вера...

Она обернулась резко, и он увидел её лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами, с губами, сжатыми в тонкую линию.

— Не нужно, Дим, — повторила она холодно. — Ты уже сделал достаточно.

Он сжал челюсти.

— Я просто хочу помочь.

— Ты хотел помочь? — Вера встала, подошла к нему. — Тогда не трахал бы меня и не называл это ошибкой утром.

Дмитрий побледнел.

— Я не...

— Не ври. — Её голос дрожал, но она держалась. — Ты сказал, что это ошибка. Что не можешь. Что подведёшь. И неделю избегал меня, как прокажённую.

— Я пытался защитить тебя.

— От кого? От себя? — Вера засмеялась горько. — Дима, я взрослая. Я сама решаю, от кого мне защищаться. И ты не имел права решать за меня.

— Я не хотел сделать тебе больно.

— Но сделал. — Вера смотрела на него, и в её глазах были слёзы, которые она не давала пролиться. — Ты сделал мне больно. Когда отстранился. Когда избегал. Когда сделал вид, будто между нами ничего не было.

Дмитрий стоял, сжав кулаки, и смотрел на неё с таким выражением, будто его разрывало изнутри.

— Прости, — сказал он хрипло. — Я не знал, как иначе.

— Знал. — Вера отступила. — Мог быть честным. Мог сказать, что боишься. Что не готов. Что нужно время. Но ты выбрал бежать. Как всегда.

— Я не бегу.

— Бежишь. — Она взяла сумку, накинула рюкзак на плечо. — Ты бежишь от всех, кто пытается подобраться близко. Потому что так проще. Не нужно рисковать. Не нужно чувствовать.

— Я чувствую, — выдохнул Дмитрий. — Слишком много.

Вера замерла, глядя на него.

— Тогда почему молчишь?

Он смотрел на неё долго, и в его глазах была борьба — желание сказать и страх произнести вслух.

— Потому что если скажу, не смогу отпустить, — произнёс он наконец. — А я должен. Ты заслуживаешь лучшего.

— Это моё решение, что я заслуживаю.

— Нет. — Дмитрий качал головой. — Ты не видишь себя со стороны. Ты светлая. Добрая. Ты веришь в людей, даже после того, как тебя предали. А я... я весь в темноте. Я сломан. Я ношу вину, которая не отпускает. Я не смогу сделать тебя счастливой.

— Ты не знаешь этого.

— Знаю. — Его голос стал жёстче. — Моя бывшая жена была счастлива, пока не вышла за меня. Потом стала несчастной. Макс был жив, пока работал со мной. Потом погиб. Все, кто рядом со мной, страдают.

— Это не закономерность. Это жизнь.

— Для меня — закономерность.

Вера смотрела на него, и внутри всё сжималось от бессилия. Она не могла переубедить его. Он вбил себе в голову, что токсичен, опасен, что рядом с ним все несчастны. И не хотел слышать обратного.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Если ты так решил, я не буду спорить.

Она подняла вторую сумку, пошла к двери.

— Вера, — окликнул Дмитрий.

Она обернулась. Он стоял посреди коридора, и на его лице было столько боли, что Вера едва сдержалась, чтобы не вернуться и не обнять его.

— Прости, — сказал он.

— Я не прощаю, — ответила Вера. — Потому что ты не ошибся. Ты просто струсил.

Она вышла, закрыв дверь. Спустилась в свою квартиру, зашла внутрь. Опустила сумки, прислонилась к двери спиной и медленно сползла на пол.

Только тогда позволила себе заплакать.

Глава 7

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.